

Иванов Андрей

ЭТО ВСЕ ОНА

Пьеса

Действующие лица:

Мать

Сын

Тоффи

Тауэрский ворон

МОНОЛОГ-1

МАТЬ и СЫН в своих комнатах. Комнаты разделены чем-то БОльшим, чем просто стена. МАТЬ стоит, прижимая к груди пустую птичью клетку. СЫН сгорбился над компьютером.

МАТЬ (*разговаривает с подругой*): В этот день было особенно холодно... Середина ноября. Я купила эту идиотскую птицу у мужика с большими руками. Вообще непонятно, как он этими огромными лапищами держит крошечных попугайчиков – даже когда он ловил его, мне казалось, что эта птичка – не жилец. Он засунул птицу в мою клетку, она стала метаться, забилась в угол, и затихла. Нет, не умерла, просто затихла. И я понесла ее домой.

Был жуткий ветер, пронизывающий. Я пыталась ее спрятать от ветра, закрывала своим пальто. У меня пальцы сделались как деревянные... И вот я прихожу. И стою, как дура, перед своей дверью. Знаешь, я часто так теперь стою. Думаю – позвоню и услышу шарканье Ваниных тапок по коридору. И вот так бы вечно стояла, кажется – стояла и слушала это шарканье. Но все равно достала ключ и открыла – сама. Потому что Костя мне не открывает. Он никому не открывает. А когда я спрашиваю его, почему он не открывает... (у меня же сумка, пакеты в руках – неудобно ключ доставать!) он говорит, что не слышал звонка – сидел в наушниках у компьютера.

Так что я открыла сама тогда. Зашла – кричу ему: Костя! Смотри, кого я принесла! Кое-кто хочет с тобой познакомиться! И, знаешь, вспомнилось его лицо из детства – когда дети чему то искренне рады, у них лицо прямо расплывается – ямочки на щечках, искорки в глазах... И вот, я вспомнила, как Ваня ему подарил попугайчика на день рождения. Костя так радовался, так улыбался, ему все хотелось потрогать пальчиком ножку этого попугая – все повторял «Ветацька» - ну, веточка – ему казалось, что у птицы ноги – из дерева. Они такие морщинистые, тонкие... Но птичка сдохла через несколько дней – не знаю почему. У ребенка истерика. И я сказала – все, никаких животных в доме. Костя как-то просил щенка, умолял, но я из любви к нему, понимаешь, из любви... сказала – нет – зачем лишние переживания?

И вот, я стою в прихожей, как дура, жду его, зову. А он не идет. А я знаю, что он меня слышит. Птица эта сидит на полу клетки, глаза зажмурила. Я разозлилась. Я все делаю, чтобы как то наладить контакт, после того, что случилось, как то разрядить атмосферу... А он...

Я захожу на кухню, ставлю эту клетку на стол, начинаю мыть тарелки. Наконец не выдерживаю – ору: КОСТЯ!!! Через несколько секунд слышу – он вышел из комнаты, идет. И вот он заходит. Смотрит на меня. Я говорю: Костенька! Смотри – кто у нас будет жить! Помнишь – ты же любишь птичек... А он смотрит на меня... Ты знаешь, он так страшно на меня смотрит... Это давно началось, еще при Ване. Он так смотрит, как будто я глубоководная рыба. (*слезы в голосе*) Изучает меня. Я

говорила Ванечке – что-то не так. Костя – холодный, в нем нет любви, в его возрасте это странно. А Ваня говорит – это подростки, что ты хочешь? Все с ним в порядке!

Бедный мой Ванечка... Нет-нет все нормально, со мной все хорошо...

Ну вот... Он на меня смотрит этим ужасным взглядом. Потом на птицу. И потом, представляешь, разворачивается и уходит. Молча. У меня прямо руки задрожали. За что он так со мной? Это же издевательство – мне и так нелегко. И я хватаю эту долбаную клетку, подбегаю к окну, открываю его, оттуда - ветер, морось... Я открываю клетку, птица орет, я трясусь, она бьется, но остается в клетке... И я вытряхиваю ее наконец – на холод, она орет, бьет своими маленькими крыльями, но с ветром справиться не может, и ее уносит куда-то, и я слышу ее крик, и я реву...

ПАУЗА

Я не знаю прямо что на меня тогда нашло... И теперь я не знаю, куда поставить эту клетку. Я читала где-то, что в нее можно поставить свечку, и будет такой оригинальный подсвечник, знаешь, огонек в клетке... Но я ее ставлю и сюда, и туда, и мне все не нравится и не нравится...

МАТЬ пытается куда-нибудь приладить злосчастную клетку

СЫН (разговаривает с другом): Прикинь, когда она приходит, то сразу не открывает дверь. Стоит с той стороны, слушает через дверь, чем я тут занимаюсь. Типа что я колеса жру, или трахаюсь тут с кем то. Бесит. А потом начинает звонить. А я не открываю. Типа я в наушниках сижу. А потом мозги ебет – типа неужели не слышно звонка? Нет, говорю, не слышно. Только «Линкин парк» слышно.

И вот она приваливает, слушает через дверь опять. Сука, думаю. Потом она заходит и орет. Все время она орет. Как будто, блядь, мое имя нельзя спокойно говорить. Все время орет, прикинь. Она, типа, даже не замечает это. И орет, что со мной кто-то хочет познакомиться. Думаю - приперла щенка. Она же типа хочет дружить со мной. А у меня никогда не было щенка. Хотя нахуй он мне нужен...

А знаешь, главное не показывать ей, что ты типа сдался. Что типа ты такой сынуля мармеладный. Иди ты нахуй со своим щенком. И я такой молчу. И она тут из кухни как заорет. И я типа медленно так иду на кухню, захожу. А это - не щенок. Приперла воробья какого то мокрого. И она стоит такая пырится на меня – типа ну что? Охуенная я мама? Типа замутила мне праздник. Типа я теперь до усрачки должен обрадоваться. И я такой типа представляю, что бы отец сделал – он бы че-нибудь смешное сказал, как-то все бы заржали, и мне бы было как-то похуй, что это не щенок. Типа мне и воробей бы этот понравился. И она бы с этим лицом не стояла, не пырилась бы. Они бы с отцом пососались, и он бы ее похвалил.

А отца нет. И она пырится. Ненавижу ее. Ничего она не умеет. Вообще все ненавижу. Вообще, прикинь, хочется, чтобы все пропало. Чтобы дом сгорел, чтобы она тоже умерла, чтобы школу взорвали, чтобы я остался вообще один. Я на заброшенный завод цементный пошел бы жить. Жил бы как бомж, чтобы никого не было. Только чтобы ноут был с интернетом. Я бы его подзаряжал на вокзале в туалете, а больше никуя не надо.

Ну и короче, я смотрю на этого воробья, думаю – ЛОЛ, воробей. На ноги его смотрю, а они такие шершавые, типа как ветки. И такой молчу и ухожу спокойно. Слышу – она зашебуршала в кухне. Злая, пиздец, клеткой этой громыкает, воробей орет, окно хлопает. Типа выбросила воробья, и сидит там, сопли размазывает. Ну и хуй с тобой, думаю.

А сам в окно смотрю. А там холод, жесь. И мне так хуево стало, ну типа не болит ничего, но все равно. Еб твою, думаю, я с тобой вообще никогда не буду разговаривать. Вообще никогда замечать тебя не буду.

И начинаю на «Ютубе» ролики смотреть – ну типа, знаешь, где люди с великов падают, лбом о стены хуячатся, и смотрю – сам не знаю зачем. И ржу – громко, чтобы она слышала. А внутри хуево очень. Типа мне внутри плакать хочется, а я ржу. А она ревет там.

А сегодня я нашел перья зеленые на клумбе. Наверное, кошка воробья сожрала.

МАТЬ: И я даже холод чувствовать перестала от обиды, наверное. Окно то я не закрыла. Я понимаю, что ужасно замерзла. И слышу – он смеется в комнате. Представляешь – смеется! Очень громко. Мне даже жутко стало. А потом я поняла – он надо мной смеется. Вроде как я дура. Истеричка. Вроде как я – не мать, а так, клоун какой то, который готовит и стирает...

Как Ванечки не хватает... Он бы сказал мне что-то, какие-то слова как специально для меня, которые бы успокоили, обнадежили... Я иногда ищу эти слова в себе – говорят, что как бы образы людей отпечатываются в нас, да? Ищу, но не нахожу ничего, не слышу его голоса. Ой, ладно, не буду, а то расплачусь опять сейчас...

Ну, вообще, слышу я его смех, и думаю – все, хватит с меня. Я иду к нему, и говорю так холодно, твердо...

СЫН: Заваливает ко мне и говорит: типа хватит ржать. Я типа такой: хочу и ржу. Она такая типа хватит. И такая : помойку вынеси, пропылесось, помой посуду, вытри пыль у себя в комнате...

МАТЬ: Говорю –слишком много свободы у тебя, не знаешь, как ей распоряжаться. Если некуда девать энергию, так я направлю ее в нужное русло. Нет, ну я не права? Я все понимаю, но я не железная. Нужна жесткость. И, говорю, почисти костюм отца...

СЫН: И она говорит – почисть его костюм. А его костюм... Он висит в шкафу. Его. Он как раз в нем был... Это последний его костюм. Она этот костюм оставила. А костюм весь чистый. На нем только одна капля крови. На рукаве. Маленькая.

И типа она такая вся злобучая стоит и говорит мне – почисть костюм. То есть, типа эту каплю очисти. Сука, ну... Зачем она вообще этот костюм оставила? И типа почисть. Чтобы типа ничего не было. Чистенький костюмчик.

МАТЬ: И он вдруг, не поверишь, встает и говорит: ладно, мама. Я почищу костюм.

СЫН: А она такая: но еще типа помойку вынеси. А я такой мармеладный – конечно, мамочка... Почисти костюм. А про помойку и пылесосенье не говорю. А внутри думаю – убил бы ее нахуй.

МАТЬ: И ты знаешь, я расслабилась, думаю, может он осознал, что обидел меня. Вроде как раскаялся. И я ушла, на кухне ковыряюсь, думаю про этот костюм. Ну, я тебе рассказывала. Это, конечно, страшная вещь. Но это не просто вещь. Вот он висит в шкафу, и я знаю, что его всегда там можно найти. Ну, то есть как бы, что смерти нет. Я в любое время подхожу к шкафу и глажу его, этот костюм. А еще на нем запах Ванин. Он этот запах очень любил... «Deer Red» называется, я ему покупала на годовщину, такой квадратный флакон... И запах, знаешь... Вот как свежая древесина теплая, на солнце...

И вот я иногда стою и нюхаю. И даже не плачу. Как-то светло внутри... Глажу пиджак этот. И думаю – лишь бы не смотреть, лишь бы на рукав не смотреть... Потому что там эта капля – она, как дырка от пули – капля – это и есть смерть. И так мне стало спокойно, что он согласился это сделать. Почистит пиджак – и ему самому станет легче.

СЫН: Такая вся размякла, типа хорошо, говорит, типа почистишь и чаю попьем. На глаза себе свой чай вылей, думаю. Она часто стоит возле шкафа, нюхает этот костюм, извращенка. Я вижу. А мне страшно. Мне, если честно, охуеть, как страшно этот шкаф открывать. Я мимо этого шкафа на цыпочках хожу. Но похуй, потерплю. Почисти я этот костюм, сука.

МАТЬ: И, представляешь, я домываю посуду, слышу – он в ванной...

СЫН: Я в ванной - взял нож такой тонкий - для бумаги, и, блядь, чищу костюм!

МАТЬ: И звук какой то странный, не похоже, что кто то трет ткань, и слышу – он плачет – тонко, как девочка...

СЫН: А я смеюсь, так типа знаешь, как Ганнибал Лектер, и чищу и чищу этот ебаный костюм.

МАТЬ: Забегаю – а он полосует его лезвием каким то. Вот всё – не пиджак, а лохмотья... И пахнет керосином... У меня шок...

СЫН: И она такая сразу – как змея – как зашипит на меня...

МАТЬ: Что же ты делаешь, дурачок, - я ему говорю. А у меня руки трясутся...

СЫН: А я смеюсь.

МАТЬ: А он все плачет...

СЫН: Поджег зажигалкой, он как полыхнет...

МАТЬ: Это все горит, пламя прямо до потолка, он плачет, я растерялась. Потом уже кран включила, когда он порядочно обгорел... Я его вытаскиваю, отряхаю, а Костя вытирает рукавом лицо и так мне спокойно говорит...

СЫН: Говорю ей: типа мама, я почистил костюм. Я пойду поиграю. Или в «Контакте» посижу. И ушел так расслабленно...

МАТЬ: И он уходит такой сгорбленный, представляешь, а я сижу, у меня слезы, и хочется его избить прямо ремнем, наказать, как-то, а у меня только слезы текут, и я вдруг понимаю, что вот это все черное, искромсанное к себе прижимаю, и глажу его и глажу...

ДИАЛОГ-1

МАТЬ сидит за столом в своей комнате. МАТЬ натужно улыбается. Она снова разговаривает с подругой. СЫН лежит в своей комнате на кровати, он слушает музыку и улыбается.

МАТЬ: Ты знаешь, это ужас. Раньше я боялась, что он пьет, или курит, или наркоман, или что-то такое. Он же не пускает меня в свою жизнь. Его как будто нет. Теперь я боюсь... Что он... Подожди, я соберусь... Я боюсь, что он... Го... Понимаешь, гомосексуалист. Ну, гей, как там этот кошмар еще называется...

Понимаешь, он не общается с девочками. Ни разу не видела. И не слышала. У него там есть какой то друг, ровесник со школы, с которым он все время переписывается в интернете. И бегают вроде бы с ним встречаться, гуляют они. Понимаешь меня? Нет, я не придумываю, он очень много с ним общается. Поверь, это странно. И вот я подумала, а что если он – вот такой? Это же конец. Это же... Я видела одно ток-шоу - там они были. Несчастные люди, вырожденцы, убогие... Мне стало

жутко. Что если вот я, мать, проморгала этот момент? Что если он посмотрелся в интернете, по телевизору чего-то такого, и все – его жизнь сломана?

О чем ты, я, конечно, не могу с ним об этом говорить. Ну как ты себе это представляешь? Мне даже это слово тяжело произносить, а тут – у сына спросить такое? Нет, это кошмар. Я кое-что придумала поинтереснее. И знаешь, у меня успех (*улыбается*) Педагогический успех, я бы сказала. Новый метод. Я решила выяснить это исподволь. Целую шпионскую операцию провернула. Я пошла в интернет (*садится за компьютер*) Изучила их этот новояз подростковый – ну знаешь, все эти ЛОЛы, все эти улыбочки, похожие на зайчиков, смайлики... И поматериться пришлось, да это ужас, но они же любят так выражаться. Думаю, ради блага ребенка можно и поматериться. Впрочем, создала такую девочку «В контакте», ну ты знаешь, социальная сеть. Придумала ей экстравагантную биографию, чтобы потаинственнее. Завела страничку – фотографию поставила такую жутковатую немного – такая красивая девочка в черном платье и у нее такая татуировка на всю руку в виде змеи. В современной музыке немного разобралась – поставила в интересах все эти кошмарные группы, которые он любит, пару фраз в статусе – из Ницше – выбрала самые циничные – подростки любят что то заумное и циничное. Ну и нашла его страничку – а там... Ой, ужас такой – все какая то тьма, мрак, картинки с повешенными, какие то лезвия... И страничку он назвал – «Тауэрский Ворон». Думаю – ну что тебе еще надо – я все для тебя делаю, чтобы ты был счастлив, а нет – все тебе не так, все тебе вОроны какие то, рожи эти страшные и группы эти, где не музыка, а рев... Ну ладно...

И вот я его страничку этой таинственной девочкой добавляю в друзья. А, а назвала я ее Тоффи – ну, как конфетки, знаешь?

А он осторожный. Я понажимала на сердечки под его этими кошмарными картинками. Это называется «лайки» - ну, вроде как мне нравятся его эти повешенные. А он молчал долго. Не отвечал.

Появляются ТОФФИ и ТАУЭРСКИЙ ВОРОН. Они разделены не такой непреодолимой границей, как МАТЬ и СЫН.

СЫН оживает, начинает клацать клавишами компьютера. МАТЬ тоже печатает. МАТЬ и СЫН реагируют на диалог ТОФФИ и ТАУЭРСКОГО ВОРОНА.

ТОФФИ: Привет.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Только не пиши: «Как дела?» Это пошло.

ТОФФИ: А я знаю, как у тебя дела.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И как?

ТОФФИ: Хуево. Это по твоей странице видно

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Угадала. СМАЙЛ. Твоя фотка?

ТОФФИ: Конечно. А как может быть чужая?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну ты какая то странная... Все на фотки ставят кукую нибудь хуйню, только не себя.

ТОФФИ: А почему?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Не знаю. Не любят себя, наверное. Или из-за прыщей.

ТОФФИ: А это твоя фотка?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну да.

ТОФФИ: Ты себя любишь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нет. Но фотка все равно моя.

ТОФФИ: А кого ты любишь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Никого.

ТОФФИ: И я никого.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты откуда?

ТОФФИ: Я из Санкт-Петербурга приехала.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А у нас говорят - Питер

ТОФФИ: Все, кто не из Санкт-Петербурга, говорят «Питер». СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А что такое «таксидермия?»

ТОФФИ: Искусство создания чучел из животных. У меня отец – таксидермист.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нихуево. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Это что значит? Хорошо или плохо?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Хорошо. Ну ты реально странная. Приколно. СМАЙЛ

ТОФФИ: СМАЙЛ

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А ты давно у нас в городе?

ТОФФИ: Неделю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И как тебе?

ТОФФИ: Нихуево. А ты чем занимаешься?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ничем. Учусь. Стихи пишу.

ТОФФИ: ЛОЛ

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Что – ЛОЛ? Что смешного?

ТОФФИ: Ничего. Стихи? Интересно.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тебе интересно?

ТОФФИ: Да. А скинь свое.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Не хочу

ТОФФИ: Реально, скинь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ай, бля... Не хочу. Долго искать.

ТОФФИ: Ты на ЛОЛ обиделся? ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нихуя я не обиделся.

ТОФФИ: Жалко. Что стихи не покажешь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А ты чем занимаешься?

ТОФФИ: Ну бля, учусь. Помогаю маме. СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты так прикольно маты пишешь. СМАЙЛ. Не в строчку.

ТОФФИ: Как не в строчку? В строчку пишу. А надо как? Столбиком?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты прикалываешься? СМАЙЛ

ТОФФИ: Нет.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ладно, забей. А по фотке не скажешь что ты такая доча мармеладная.

ТОФФИ: Бля, в смысле?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну типа «Маме помогаю».

ТОФФИ: Ну я помогаю, бля. Но я не маменькина дочка. Я просто люблю маму. А вообще, бля, я по кладбищам гуляю. Убегаю из дома.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Какая то хуйня. Ты любишь маму, а из дома убегаешь.

ТОФФИ: Ну, когда... заебет совсем.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А по кладбищу не ссыкотно ходить? Там зомби. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Бля, нет. Там так тихо. И спокойно. Я там думаю о вечности...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: СМАЙЛ

ТОФФИ: ...Бля.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Что?

ТОФФИ: Я там думаю о вечности, бля.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: СМАЙЛ СМАЙЛ СМАЙЛ

ТОФФИ: А ты маме своей помогаешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нет.

ТОФФИ: Бля, вообще не помогаешь? По дому.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Она умерла.

ПАУЗА

ТОФФИ: Умерла?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Умерла.

ТОФФИ: А с кем ты живешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Один... С отцом.

ТОФФИ: Значит, блядь, умерла?...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Типа того.

ТОФФИ: А с отцом типа все нормально?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да. Нормально. Мы с ним ездим на рыбалку. И в волейбол... Он приколист.

ТОФФИ: А мама была не приколист?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Вообще никуя не приколист. Орала.

ПАУЗА

МАТЬ: Ты знаешь, даже давление тогда поднялось. Я подумала, что зря я все это затеяла. И вот такие страшные слова пришли: он меня не любит. Он меня не любит. Так обидно, тебе не передать. Ведь я для него – всё... А он меня видит в гробу, понимаешь? Я расплакалась тогда. Но так. Тихо. Чтобы он не слышал в своей комнате. Я вообще почти всегда так плачу. Знаешь, это как чихать, зажав нос. Такое рыдание внутрь. Ну, конечно, иногда я плачу и при нем, чтобы он понял, что расстроил меня. Ну вообще, это было ужасно... И разозлилась я тоже, конечно. Я едва все это не закончила. Но потом собралась. Ради блага моего ребенка. Думаю: я это придумала, чтобы выяснить очень конкретные вещи. Умерла у тебя мать, ладно. Умерла так умерла. Главное для меня - понять о тебе... Что с тобой все в порядке... Что ты – не гей...

СЫН: И, прикинь, она заткнулась. Ну телка эта прикольная. Я думаю – типа жалеет меня что ли? Ну, то что я ей сказал про мать. Типа плачет, может. Ну, знаешь, бабы плакать любят. Помнишь, как Еремова тоже вся потекла, как узнала, что ты ногу на заводе штырем пропорол? Такая ревет, говорит, что ей тебя жалко, что у нее эмпатия. Блядь, не эмпатия у тебя, а ФЭГЭЭМ. Ревела-ревела,

пизда тупая, а к тебе не пошла проведать со мной. Никто не пошел. Блядь, не класс у нас, а пиздец...

А потом думаю – с чего бы ей этой Тоффи-Хуеффи реветь? Она меня нихуя не знает. Мало ли у кого родители мертвые. Может, она не отвечает потому что жрет, или на очке сидит... Думаю – че я занимаюсь пиздостраданием? Думаю о ней – нехуй делать. Пошла она в жопу. Закрыл ваще «Контакт», думаю в «Танки» пару боев погоняю...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты тут? Тоффи? Тоффи? Алло! Че пропала? СМАЙЛ

ТОФФИ: Я тут. Как у тебя в школе дела?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да бля, что за вопросы – пошла она в жопу эта школа!

ТОФФИ: Ну ладно, извини.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ничего. Не люблю школу. У меня там только один друг. Ты что ли любишь?

ТОФФИ: Нет. У меня репетиторы. Школьную программу дома прохожу.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Прикольно. СМАЙЛ

ТОФФИ: А что за друг в школе?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну друг и друг. Просто друг. Мы по заброшенному заводу лазим вместе. Прикалываемся.

ТОФФИ: Как прикалываетесь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну бля, просто разговариваем.

ТОФФИ: И больше ничего?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну а что, бля, еще?

ТОФФИ: Нет, ничего. СМАЙЛ

МАТЬ облегченно вздыхает

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Хочешь – тоже по заводу полазим?. Там круто. Только собаки бродячие, но не бойся – со мной не страшно. СМАЙЛ

ТОФФИ: Не знаю. Вряд ли.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Почему?

ТОФФИ: У меня аллергия на ультрафиолет. Я только ночью гуляю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пиздишь. СМАЙЛ

ТОФФИ: Нет. Редкая болезнь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Прикольно. Ты типа как вампир.

ТОФФИ: О, точно. Как вампир.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Типа по ночам кровь пьешь. СМАЙЛ

ТОФФИ: Ну.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Но ты и днем не спишь. Щас же день. Значит можешь и днем. СМАЙЛ

ТОФФИ: Что?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Кровь пить днем.

ТОФФИ: Типа могу.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: СМАЙЛ. А ты в вампиров веришь?

ПАУЗА

ТОФФИ: Ну... Да...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты же готка, вампиры тебя должны переть.

ТОФФИ: Что меня должны делать вампиры?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну переть, ну, типа нравиться должны. «Сумерки» всякие, Дракулы... Это же для баб всех вампиров придумали... СМАЙЛ.

ТОФФИ: Я не баба.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Извини, девушкам, я имел в виду...

ПАУЗА

МАТЬ (*разговаривает с подругой. СЫН в своей комнате нервничает*) И, знаешь, мне как то стало даже самой легко – вот так просто, разговаривать с ним, пусть даже так – как бы не по настоящему, но вроде бы мы с ним никогда не разговаривали так близко, так честно... И пусть он говорит, что хочет мне смерти, пусть! Пусть я половину не понимаю, из того, что он говорит, ищу эти слова в «Google». Все равно, знаешь, как будто у меня внутри какую-то плотину прорвало, И я даже решила проверить – насколько ему это важно. И я ему крикнула: Костя!

СЫН (*разговаривает с другом*) И она тут опять орет мне. Прикинь, а эта телка как раз ответ пишет. Я так разозлился – думаю: отъебись! А сам ей кричу: Я занят!

МАТЬ: Кричу ему: а в кино не хочешь сходить?! Я дам денег! А он мне – нет! Я уроки делаю!
(улыбается)

СЫН: Она же не может, чтобы не выебываться, все строит из себя охуительную мамулю. Кино мне начала предлагать, пирог, говорит, хочешь испеку? Иди ты нахуй думаю, со своим пирогом и кино свое в жопу засунь себе, и кричу – не мешай! И наушники надел.

СЫН надевает наушники. МАТЬ счастлива

МАТЬ: Понимаешь, мне стало так легко на душе... Наконец то я нашла к нему лазейку, малость, но что то в этом было настоящее, очень ценное. Теперь я поняла, что он не гей, теперь я поняла, что мой Костик – нормальный... Мой сын, оказывается – настоящий мужчина, романтичный, правда немного грубоватый. Ой, ты знаешь, это действует, как наркотик... (возвращается к компьютеру)

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А ты про себя еще расскажи.

ТОФФИ: А что?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Что хочешь.

ТОФФИ: У меня есть маленький брат. Я о нем забочусь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А у меня нет братьев.

ТОФФИ: Я о нем забочусь, а он не ценит.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: В смысле?

ТОФФИ: Мрачный такой ходит. Со мной не разговаривает.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Может ты не знаешь, что ему нужно? Может, живот ему болит?

ТОФФИ: Может. Не знаю. Я уже устала.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну а поговори с ним. По чесноку. По настоящему.

ТОФФИ: Я говорю

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А он что?

ТОФФИ: А он говорит, что лучше бы я умерла.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нихуя себе малыш. СМАЙЛ. Заебал?

ТОФФИ: Заебал.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты мне нравишься. Очень. Я даже не хочу других фоток твоих просить.

ТОФФИ: Ты мне тоже. А зачем другие фотки?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну а вдруг это фотошоп, а ты на самом деле страшная. СМАЙЛ

ТОФФИ: Я не страшная.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я верю. Ты не подумай, я не дрочу на фотки.

ТОФФИ: Фу!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Извини. Ну в смысле а девушки не боятся, что на их фотки дрочат?

ТОФФИ: Нет. Не знаю. Мне пора идти...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Подожди, забудь про дрочку, ну это вообще не то что я хотел сказать.
ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ

ТОФФИ: А что ты хотел сказать?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я хотел сказать, что ты клевая. Не исчезай, ладно? СМАЙЛ.

ТОФФИ: Ладно. Мы встретимся тут завтра.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Правда? СМАЙЛ.

ТОФФИ: Правда. Спокойной ночи тебе.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А тебе беспокойной ночи. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Почему?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну ты же ночью гуляешь.

ТОФФИ: Да, точно. Схожу сегодня на заброшенный завод.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока

ТОФФИ: Пока.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты еще тут?

ТОФФИ: Ну да.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Пока.

МОНОЛОГ- 2

Мать и сын в своих комнатах. Полумрак. У сына в комнате горит настольная лампа. У матери в комнате горит свеча, запертая в клетку.

СЫН: (разговаривает с другом) Прикинь, думал о ней весь день. Как она там ходит по своей новой квартире. Ходит, а везде чучела со стеклянными глазами... Не, ничо конкретное не думал – просто

типа представлял себе, как она ходит. Типа, знаешь, как привидение – белая, как мел, ну как на фотке. И брат ее не любит. И отец ее из всех чучела делает. Она одна такая ходит. Типа как я.

Кстати, про мел. Химица сегодня опять мел жрала, прикинь? Пиздец, как так можно? У меня, говорит, дети, кальция не хватает, не обращайтесь внимания. Бля, да как на такое не обращать внимания? Сидит, толстая, в шали этой своей, как с вокзала – и хрум-хрум... И белые крошки эти ей на сиськи сыплются... Да какой ЛОЛ, тут форменная дурка.

Мне иногда кажется, что я на каждом уроке это вижу. Все учителя сидят перед нами и жуют мел. И из пасти у них такие белые струйки... И они медленно заставляют всех нас тоже мел жрать. Хрум-хрум, блядь. Пока у нас тоже белые слюни не потекут. Хожу в школу, и типа как чувствую, что у меня внутри все этим мелом заполняется... Пиздец, вообще. Хорошо, что тебя не было. Отстойный день был.

Не, я через телефон не сижу – там инет медленный. Пока страничка обновится – пять минут пройдет. Да и контру сегодня писали... Но я думал. Думал в инет-кафе на большой перемене сбегать. Посмотреть, что она мне написала. Но не побежал. Ай бля, думаю, нахуй. Сама напишет. Да и не важно мне это.

И, прикинь, прихожу домой. Комп врубаю – пиздец, света нет. Я разозлился, блядь, кружку разбил даже случайно. Думаю – она, наверно, меня ждет там. Ей, наверно, и не с кем поговорить – я видел – у нее друзей нет «В контакте», кроме меня.

Хожу по дому, как debil. Чувствую - сквозняк. Думаю – наверно, она опять форточку оставила, дура. Холодно. Зашел в ее комнату, закрыл окно. Смотрю – а там клетка эта стоит. Ну, помнишь, с воробьем. Смотрю – а она туда свечку запёрла. Ну ты прикинь, пиздеец! Что это за хуйня! Она сама его выбросила, и потом сама еще свечку ставит. За упокой, блядь, души! Ну выброси ты эту клетку! Но нет – и пиджак отцовский она нюхала, и на клетку эту пырится теперь!...

Так слушай дальше. Я со злости ее кровать пнул... Ну, не ее, а их с отцом кровать. И, прикинь, там что-то под покрывалом на пол упало. С кровати. Что-то, блядь, большоооое! Я поднимаю покрывало. И знаешь что там? Знаешь, блядь, что? Самотык! Здоровый синий резиновый хуй! Рыба моей мечты, блядь! Здравенный язь! Мне, пиздец, как противно стало. Я стою в ахуе. Стоял, не знал что делать.

Это, знаешь, я как первый раз порнуху увидел. В 11 лет. Не мог поверить, что люди могут такое делать. Это как то выглядело для меня тогда... Ну как будто убийство. Что-то такое, пиздец, жуткое. Неестественное.

Но потом меня попустило. Ну в смысле – сейчас. Я начал ржать даже. И в голове это крутится – про рыбу моей мечты. Ржу, не могу. Сходил, плоскогубцы взял в кладовке. Взял этот член плоскогубцами. Ну не руками же его брать, бляха... Из клетки свечку вытащил, положил рядом. А член туда поставил. Вместо свечки. Пусть постоит, думаю, будет сюрприз. Стою, смотрю на свое творчество. Ржу. Слышу – она пришла. Я – быстро в комнату свою...

МАТЬ: Ой, день был тогда такой дурацкий. Да, Рафаэловна со своей базой всю плешь проела... И Светка... Ну представь, за три месяца они собирают в рабочее время всех, чтобы решить, где корпоратив на новый год заказывать! За три месяца! И меню! Это все на три часа – в нашем

бабском то коллективе! А у меня базы той и половины нет! Я ей говорю – Светочка, без меня решите, мне все равно, я на все согласна. А она губки бантиком сделала, знаешь, как она умеет: «Танечка, я не принуждаю, но ты же знаешь – у нас коллектив...». Она может... Вацлавна у нас работала, бабулька, так они на ножах были. Ее Светка премии лишила за то, что та ее с днем рождения не поздравила! Ну, не в открытую, конечно... Нашла повод. Впрочем, Рафаэловна косится. Ей агенство уже гневные письма шлет. Но это еще не самое страшное – Светка в конце этого сборища меня еще и дурой выставила. Говорит: «А вот Таня, наверное, все наши решения документировала – все совещание в ноутбуке сидела». Представляешь? Взяла меня, и выставила перед всеми – я даже не знала как среагировать. Заулыбалась. Ну ей-богу, как чучело какое то. Вечно я у нее какой-то козел отпущения. Все, конечно, захихикали неодобрительно так - вроде как я на важном совещании левыми делами занималась... Я работала! Я туда работать прихожу! Смех и грех. Ай, ну их.

Думала я о том, правильно ли поступаю. Ну, с Костей. И так думала и эдак. Может, из-за этого базу не сбила. Решила, что нет в этом особо ничего плохого все же. Что это даже меня как-то волнует. Я о нем думаю теперь. Что же там у него происходит... Что он чувствует...

Прихожу домой, лифт не работает, опять света нет. И, знаешь, как то шевельнулось – я вот думала, что с ним приду сейчас, пообщаюсь. Ну не я, а Тоффи, ты понимаешь. А света нет. Компьютер не работает. Как-то испортилось настроение. А я ведь уже столько всего придумала, что у Тоффи за день случилось.

Поднимаюсь, стучу. Он не открывает. И тут, вдруг странное чувство такое возникло – точнее отсутствие чувства. Понимаешь, я стою у двери и не жду шарканья Ваниных тапочек. Ну, как бы я смирилась со смертью Ваниной. То есть я стою перед дверью и отчетливо знаю, что там только Костя. Ну, и что он мне не откроет.

Открываю, захожу – тихо. Говорю: «Костя, я пришла...». Он молчит. К двери его подхожу тихонько – слышу – он хлюпает носом. Опять плачет. Не стала стучать. Наверное, из-за пиджака, думаю. Совесть. Или по отцу тоскует. А я простила его уже, да. Ну, мужчины не любят, когда видят их слезы, думаю. Пусть себе поплачет.

Захожу к себе в комнату... И там... Ну, знаешь... Страшный беспорядок. Кровать перебуроблена вся, все разбросано... Он... Там валялся наверное на кровати, пока меня не было, телевизор смотрел. А я... Ты же знаешь, как я к порядку отношусь. Очень строго. А, света не было, да. Ну, значит, он смотрел телевизор, когда свет был. У нас в спальне... У меня в спальне помнишь, какой телевизор - плазма, большая диагональ... Костя в детстве любил у нас на кровати лежать. Ляжет между нами и мы «Утреннюю почту» смотрим, с чаем. Ну, тогда, конечно, другой телевизор был...

Ну так вот, я разозлилась ужасно. Очень разозлилась. Даже самой стыдно. Ну должны же быть у человека границы? Своя территория? Пусть он в своей комнате что хочет делает, а моя комната – это моя комната! Я побежала прямо к нему. Говорю – да что же это такое! Что же это за неуважение такое? А он лежит на кровати - глаза красные от слез. Ну, думаю – ничего. Плачет он! А когда я плачу – будто ко мне какое то сочувствие есть!

СЫН: Слышу – топает, орет. Заваливает ко мне – больная, ручку на двери чуть не сломала. Прикинь, блядь, подбегает, ухо как закрутит, завизжит, как свинья. Не понравился ей хуй в

клеточке. Орет: не смей больше типа ко мне в комнату входить! Замки повешу! Я говорю ей – вешай свои замки, делай там, что хочешь! Говорю – быстро ты отца забыла. Я там твоего хахаля в новую квартиру определил, как ему, нравится? Она как схватит джинсы мои выходные – на стуле висели, и как давай меня хуярить джинсами – больно, блядь, по морде прямо, но мне как то похуй внутри становится. Она бьет, а мне похуй. Я сразу начал думать, про то, как из дома уйду. Думаю, чтобы бомжом жить, ничего не надо сжигать не надо. Просто все забыть и все. И жить на заводе. Или к Тоффи этой попрошусь жить – ненадолго. Пока работу не найду. А потом буду жить на заводе, в каморе нашей, ходить на работу. А у Тоффи буду мыться и одежду стирать...

МАТЬ: И, понимаешь, все бы ничего, если бы он не начал дерзить. Я ему говорю разумные вещи: не входи ко мне в комнату, я запрещаю, если ты не умеешь уживаться с другим человеком, а он дерзит. Я очень сильно, конечно, тогда его отругала. А он еще тогда сказал мне... Обвинил... Сказал, что я забыла Ваню быстро. Представляешь? Как ты такое можешь говорить, спрашиваю у него. Откуда ты знаешь, что у меня в душе творится? Если бы ты знал, говорю, сколько у меня боли... Ой...

Он сидит, красный весь, молчит. Думаю, все, хватит. Ушла я из его комнаты. Как то начала приходить в себя. Думаю, ничего. С Тоффи поговорит, успокоится. Ей можно все рассказать... Да и я успокоюсь...

СЫН: Сижу, а передо мной эти джинсы валяются. Трогаю волосы – а там – кровь. Наверное, пуговицей на джинсах. Сижу, и мне как то... пиздец. Не могу объяснить. Никак. Понимаешь? Вообще ничего нет. Слепоглухонемой. Как будто и она и все-все-все очень далеко от меня. Только о Тоффи этой думаю. Как она там?

И тут свет дали.

МАТЬ: Я на кухне возилась. Ужин готовила. Неблагодарному этому... Вся в мыслях своих... И вдруг радио как заиграет! Я чуть нож себе в руку не воткнула.

СЫН: Я врубаю комп. А там – «Перенаправление». Блять! Деньги свои считаю – не хватает. Не буду у нее просить, думаю. Даже из комнаты не выйду. Я все-таки мобильник врубил. Думаю, пусть медленно, пусть хоть как – но я с ней поговорю...

МАТЬ: Дорезала я салат, и пошла к компьютеру - в свою комнату. Ну, там все убрала... Как раз, с работы шла, за интернет заплатила, деньги должны были прийти... Думаю, ну надо же его утешить. Он же обижен. Захожу – точно, он тут как тут. Сидит уже. Ну, онлайн.

ДИАЛОГ-2

Те же. Появляются ТОФФИ и ТАУЭРСКИЙ ВОРОН

ТОФФИ: Привет! СМАЙЛ

ПАУЗА

ТОФФИ: Привет! Ты тут?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Привет. СМАЙЛ. Извини, на мобильнике инет медленный...

ТОФФИ: На мобильнике? А почему ты не через компьютер?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А за инет не заплачено.

ТОФФИ: Понятно... Как дела?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нихуево.

ТОФФИ: Нихуево? Хорошо?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну да.

ТОФФИ: А по тебе не скажешь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: В смысле по мне? Ты что, по аватарке умеешь отдуплять как у кого дела?

ТОФФИ: Нет, шутка. СМАЙЛ. Ну, все хорошо?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да, все охуительно. А у тебя как дела?

ТОФФИ: И у меня хорошо. Я была ночью на твоём заводе.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И как тебе?

ТОФФИ: Пиздато.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да, там у нас под старыми конвейерами с другом камора.

ТОФФИ: Камфара?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Камора. Ну, каморка. Комнатка.

ТОФФИ: СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: О, инет врубили. Перебираюсь за комп.

ТОФФИ: СМАЙЛ.

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: У нас там диван. Мы с мусорки принесли.

ТОФФИ: Фу, с мусорки. Это же хуево. Клопы.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да нет там клопов. Стол сделали из ящиков. Это секретное место.

ТОФФИ: Круто. И что вы там делаете?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Клей нюхаем.

МАТЬ в ужасе.

ТОФФИ: Что?!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да шучу я. Ничего не делаем. Болты пинаем. Я тебя туда свожу. И с другом познакомлю.

ТОФФИ: Потом когда-нибудь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Поскорее бы. Расскажи, что у тебя.

ТОФФИ: Меня брат заебал.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Что сделал?

ТОФФИ: Ну, он взял, залез в мою комнату. И взял мою одну секретную вещь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Че за вещь?

ТОФФИ: Мой дневник. Охуительно секретный дневник почитал. И посмеялся.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А ты что?

ТОФФИ: А я ударила его. Теперь совестью мучаюсь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, заслужил же, не парься. Меня тоже мать однажды избилла. Она совестью не мучалась.

ТОФФИ: А может, мучалась.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Мне похуй.

ТОФФИ: А еще отец сегодня чучело сделал.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Какое?

ТОФФИ: Козла. Такой глупый козел. Нелепый. К нам приходили гости и все на козла смотрели.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А почему козла?

ТОФФИ: Не знаю. Потому что козла еще не было. Тупой козел. Все над ним смеялись. Пальцами показывали. А мне за него было охуеть как обидно.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: С хуя ли тебе было обидно?

ТОФФИ: Ну, он, может, совсем не хотел, чтобы вот так его выставляли перед всеми, и ржали. Может, он хотел просто траву щипать, а после смерти под землей спокойно сгнить.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Козлов еще едят. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Да, козлов еще едят. ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Но я понимаю этого козла, если по чесноку.

ТОФФИ: Да?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да. Я в седьмом классе в бабу...

ТОФФИ: В девушку.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: В девушку. Ну, типа влюбился. И, короче, сказал ей.

ТОФФИ: И что она?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Она сука была. Всему классу распиздела.

ТОФФИ: А что распиздела?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, блядь, что я ей стихи по телефону читал.

ТОФФИ: Ты стихи пишешь?!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну типа. Я же тебе говорил. Еще почитать хотела.

ТОФФИ: Я забыла. Хуево! То есть охуительно! Это я про стихи. СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, типа я ей читал стихи. Сначала она трубку подняла. Я и читал, debil. А потом, когда дочитал, мне из трубки Филей говорит: «Молодец, сучка, хорошие стихи...».

ТОФФИ: Филей?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, это был такой мудака из девятого класса. Он в колонии сейчас. Такой пиздюк, жесть. Оказывается, она с ним встречалась тогда. И просто они... Решили типа прикольнонуться надо мной... Она типа ему трубку дала, и он слушал... Суки... Надо мной все смеялись. Как над тем твоим козлом. Пиздец был. А потом я вообще в другой класс перешел.

ТОФФИ: Ну, суки. А фамилию этой девочки не знаешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну знаю. А нахуя?

ТОФФИ: Да не, так. СМАЙЛ. А скинь свои стихи.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Не.

ТОФФИ: Скинь, мне очень интересно. Я не буду ржать. Честно. Я люблю стихи.

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, бля. Щас, найду...

ТОФФИ: Жду.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН:

Когда просится сердце на волю

Днем коротким иль ночью длинной

Душу я опою алкоголем

Душу я окурю никотином

И цирроз разовьется душевный

Стану сильно я болен душою

Поместят меня в госпиталь, верно,

Для таких же болезных изгоев

Там я буду лежать на кровати

И глядеть на облезлую стену.

Бредя, ночью, сестру буду звать я,

Утром буду себе резать вены

За окном моим тополь зачахнет –

Сорок дней я не буду смеяться.

Когда ветер зимою запахнет,

Я пойму что пора собираться

Я одену пиджак из сукна

Я возьму с собой два чемодана

Темной ночью шагну из окна

И исчезну в сплетеньях тумана.

ТОФФИ: Нихуево. А ты что – куришь и пьешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да нет. Бля, не в этом суть.

МАТЬ облегченно вздыхает

ТОФФИ: Извини, охуительные стихи. Круто.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Спасибо. Бля, никому не давал его читать. Тебе дал.

ТОФФИ: Круто. Мне приятно. Спасибокиии!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Фу, блять, вырубают, когда так говорят. Скажи просто – спасибо.

ТОФФИ: Спасибо. У тебя талант, реально.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Спасибо.

ТОФФИ: Только мрачные такие.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Что?

ТОФФИ: Стихи.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: На себя посмотри СМАЙЛ. Ты же готка.

ТОФФИ: А, точно. СМАЙЛ. Вообще не пьешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, пиво иногда. Редко.

ТОФФИ: Пиво – это плохо. Это хуево.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Спасибо, «мама»... СМАЙЛ

МАТЬ встревожена

ТОФФИ: Я не мама... Я - Тоффи.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну тогда чё ты мне про пиво тут... Типа сама не пьешь. И не куришь. Все готки курят.

ТОФФИ: Нет, я не пью. И не курю. Мне нельзя. С болезнью.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А если бы болезни не было – бухала бы?

ТОФФИ: Нет, не бухала бы. СМАЙЛ

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Прикольно. Я написал щас: «мама», так прикольно. Я это слово давно не говорил.

ТОФФИ: А почему?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я ее называю «она». Ну, в смысле, называл. Она такая... К ней это слово не подходит. Не подходило.

ТОФФИ: А почему?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну в детстве я ее так называл. Мамой. Тогда она нормальная была. А потом у нас случилось кое-что хуевое, и она изменилась.

ТОФФИ: А, может, это ты изменился?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И я охуеть как изменился. Но все равно. Я не могу к ней придти и сказать: «Привет, мама!». С ней нельзя типа нормально поговорить. Она, блять, все время унижается передо мной, или орет. Орала. И била даже. А так хуево... Потому что я все равно к ней хочу. А не могу. Блять. Иногда хочется просто придти, ее обнять и стоять так долго. А иногда хочется убить. А, блять, все равно орем. Орали. Ай, она умерла все равно, не важно.

МАТЬ плачет

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тоффи? Ты тут?

ТОФФИ: Тут.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я тебя загрузил своими проблемами? Извини.

ТОФФИ: Ничего. А неужели все, что ты о маме помнишь, хуевое?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Не. Не все, говорю же. Она мне сказку в детстве читала. Я ее любил. Про Питерпэна. Знаешь? Там про пацанов, которые летали, про пиратов и бабу.

ТОФФИ: Девочку. Венди.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, девочку. Она типа с ними улетела, и там жрать им готовила, они типа ее уважали...

ТОФФИ: Они хотели, чтобы Венди стала их мамой.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Точняк! Я не помню уже.

ТОФФИ: А Питер Пэн выстрелил в нее из лука...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Точняк. Там еще они думали, что убили, а в реале – не убили. Класс, нам одни сказки читали!

ТОФФИ: Класс.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И там еще непонятно было – типа этот Питерпэн говорит, что типа ты моя мама, а сам с ней как будто встречался. Пиздец, странная хуйня. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Пиздец...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А я потом в детстве, когда засыпал – представлял, как моя кровать, типа вся в этом порошке...

ТОФФИ: Волшебной пыльце...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну типа да. И как она поднимается и через окно летит на этот остров, а я такой лежу и смотрю вниз – а там страны разные, моря... Такая смешная хуйня была, ЛОЛ. СМАЙЛ. А она после того как сказку почитает, говорит: засыпай типа быстрее, и тогда во сне попадешь на этот остров...

ТОФФИ: И попадал?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Снилось пару раз.

ТОФФИ: Я тоже эту сказку в детстве очень любила. И тоже представляла, как я у летаю из окна в ночной рубашке... И сыну своему тоже буду ее читать.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Откуда ты знаешь, может, у тебя дочка будет...

ТОФФИ: Нет. Сын. Я точно знаю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: СМАЙЛ. Ты классная. Давай встретимся. Ну, ночью. Я приду на завод...

ТОФФИ: Ты мне тоже очень нравишься, но - нет, я поздно гуляю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А когда ты спишь?

ТОФФИ: Днем. До обеда. Я уже выспалась.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну а когда увидимся? Я не буду приставать, честно. Просто хочу тебе завод показать.

ТОФФИ: Я уже видела завод. Приставать? А ты уже приставал к комунибудь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Приставал. У меня и секс был.

МАТЬ в ужасе

ТОФФИ: С кем?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну так я тебе и сказал. СМАЙЛ. А у тебя?

ТОФФИ: А у меня... Тоже был.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пиздишь. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Ты тоже пиздишь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, пизжу. Ну и что?

ТОФФИ: Ничего.

МАТЬ облегченно вздыхает.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты на заводе каморы нашей не видела. Ну давай погуляем.

ТОФФИ: Нет.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Бля... ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ.

ТОФФИ: Под конвейерами камора?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Под конвейерами.

ТОФФИ: Я туда ночью приду и оставлю кое-что для тебя.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Очень хочется с тобой погулять.

ТОФФИ: Потом когда-нибудь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты очень красивая. И хорошая. И мы похожи с тобой.

ТОФФИ: Чем?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, блять. Мы одни. Никого не любим. Ну и жизнь ваще у нас пиздец.

ТОФФИ: Наверно.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Реально. Нам надо погулять.

ТОФФИ: Ладно. Пока.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Подожди!

ТОФФИ: Что?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Слушай, у меня инет в телефоне медленный. Я буду завтра днем онлайн, в школе, но очень медленно отвечать буду, ок?

ТОФФИ: Хорошо.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Телефон старый, сука. Тормозит. Он у меня падал пару раз...

ТОФФИ: Пока.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты тут?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока...

МОНОЛОГ-3

МАТЬ и СЫН в своих комнатах. МАТЬ разговаривает с подругой. СЫН – с другом.

МАТЬ: ... Да, погода – ужас. Давление – второй день. Нет, голова не болит, а, знаешь, такое состояние дурное... Какие то мошки перед глазами... Слушай... Ты бы мне не могла до пятого денег одолжить? Нет, немного... Да, понимаешь, купила ему телефон новый. Ну, скоро день рождения, а я как раз нашла телефон, как он хотел – не такой дорогой, как в салоне. Ну, там интернет, игрушки какие-то, знаешь, они эту мишуру всякую любят. Мальчишки... Спасибо... А так в целом, нормально. Ну, что – работа-дом... С Костей? Ну, в реальности – не очень общаемся. Как было – ничего не изменилось. А в интернете... Да тоже редко переписываемся...

СЫН: Прикинь, телефон мне купила. «Samsung Galaxy Ace». Ну, крутой. Камера на дохую пикселей. И инет нормальный. Странно, да. Говорит – на день рождения тебе. А он только через неделю. Ай, похуй на нее, че у нее там в голове... Главное – с Тоффи можно щас нормально пиздеть. Не, до сих пор не виделись. У нее же болезнь, или боится она меня... Я ваще, прикинь, кажется, не знаю... Ну вот, реально, сны про нее вижу... Я ей тоже нравлюсь. Ну, знаешь, не так, как Зубиковой нравлюсь – сидит, пырится на меня, а по-настоящему, как когда люди узнают друг друга хорошо, все друг другу доверяют... А пиздим мы очень часто с ней. Да не с Зубиковой! С Тоффи... Да ваще – большую часть дня. А на выходных – так и весь день. А в школе я под партой, ты видел же – сижу тоже с телефоном, пишу ей. Она такая классная...

МАТЬ: Да, почти не переписываемся, знаешь, времени сейчас особо нет... А в реальности с ним очень трудно, ты же понимаешь. Я клетку эту вчера оттираю от воска – чувствую: он сзади стоит. Я испугалась, поворачиваюсь: он говорит – выброси клетку. Я говорю – моя клетка, что хочу, то и делаю...

СЫН: А я ей типа: пиздец, это моя клетка – это ты мне воробья того принесла! Выброси клетку – бесит! Ты же сама его и убила! Воробья в смысле... Ну, знаешь, просто позлить ее захотел. Мне похуй эта клетка, конечно, но ей не похуй – она помнит, как я в нее член резиновый поставил – она первый раз ее с тех пор из комнаты вынесла... Она начинает беситься опять – типа пиздуй в свою комнату, бла-бла-бла... А я ей – убила! Убила!

МАТЬ: Понимаешь, и он опять начинает... Про того попугайчика... Что я его выбросила тогда на холод. На вину давит. Мне, конечно, очень неприятно, но я пытаюсь сдерживаться последнее время...

СЫН: С размаху мне по губам, как пизданет! И с этой клеткой съебалась в свою комнату. Смотрю ей вслед и думаю – ну ты жалкая, пиздец... А, потом сделал себе бутеров и в инете весь вечер сидел.

ДИАЛОГ-3

Появляются ТОФФИ и ТАУЭРСКИЙ ВОРОН

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тоффи, ты тут?

ТОФФИ: Да, Ворон, привет.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Привет. Как твои дела? СМАЙЛ.

ТОФФИ: Нихуево. То есть - хорошо. Сегодня отец сделал чучело из волнистого попугайчика.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Прикольно. У меня тоже недавно был зеленый попугайчик. Совсем недолго.

ТОФФИ: Бедный попугайчик...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да, его съела кошка. Но перед этим он замерз на ветру и упал. Это все моя мать. Это все она.

ТОФФИ: Может, она не хотела.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я не хочу об этом думать.

ТОФФИ: Ну ладно.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Знаешь, я был сегодня на заброшенном заводе, куда мы с тобой ходим.

ТОФФИ: И что? СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я нашел в каморе твою записку. Твои стихи.

ТОФФИ: И... И как тебе?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Они охуительные! В смысле – они прекрасные... Я не все слова, правда, понял. Пришлось гуглить...

ТОФФИ: Спасибо.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Как тебе наша камора? СМАЙЛ.

ТОФФИ: Грязненько.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну да... Слушай... Я хочу сказать тебе. Только это серьезно, ладно?

ТОФФИ: Ладно. СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Это вообще так серьезно, что оно серьезнее самых серьезных вещей.

ТОФФИ: Хорошо.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я тебя люблю.

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тоффи?

ТОФФИ: Я тут.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну вот. Извини.

ТОФФИ: Нельзя извиняться за такое.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А ты меня?

ТОФФИ: И я тебя.

МОНОЛОГ-4.

В своих комнатах МАТЬ и СЫН. МАТЬ расстроена. СЫН мрачен. Они оба оправдываются. Присутствуют ТОФФИ и ТАУЭРСКИЙ ВОРОН – они переговариваются шепотом.

МАТЬ: Света, ты не права... Хорошо – Светлана Викторовна, вы не правы. Нет, я не сижу «В контакте» вместо работы – у нас там тоже есть клиенты. Это по работе... Ну если тебе все равно – почему ты... вы мне тогда выговор объявили? Светлана... Ну... Хорошо... Да, я поняла... Поняла...

СЫН: Да, мать знает... Всё она знает... Ну, Павел Дмитриевич, ну верните мне телефон... Мне по важному делу будут звонить... По семейным обстоятельствам... Да... Я не буду на уроке с ним сидеть – честное слово... Я отключать его на урок буду...

МАТЬ: Прости, что не позвонила... Была занята, да... Подработка, то, сё... Легла в пять утра. Нет, что ты, какой интернет... Дел по горло и без интернета... А так все хорошо, да, спасибо...

СЫН: Давай на следующей неделе сходим? Бля, ну извини... Я не выспался. До утра с Тоффи пиздел. Надо хоть немного выспаться. Ей то хорошо – она ночью не спит... А мне в школу завтра... Ну чувак, не обижайся... Пойми – у меня такого никогда не было...

ДИАЛОГ-4, ПРОДОЛЖЕНИЕ МОНОЛОГА-4

ТОФФИ: ...Он был очень красивый. И сильный. Он, когда умер, я думала, сама умру... Но потом вроде нашла, ради чего жить. Такая вот грустная история.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Такая, ну. Готская.

ТОФФИ: Ну вот, мы в расчете. Я рассказала тебе типа историю своей любви... ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Этот парень тоже был гот? В коже ходил?

ТОФФИ: Нет. Он пиджаки любил.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Понятно.

ТОФФИ: Ворон, слушай, тебе мои стихи нравятся?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Охуительные стихи, я же говорил.

ТОФФИ: Хочешь еще одно скину? Я недавно написала...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Хочу! СМАЙЛ.

МАТЬ сосредоточенно печатает текст на клавиатуре с бумаги.

ТОФФИ:

Он болтал худыми ногами

С подоконника ее окна,

А она, не веря, держала руками

Его тень, как черный лоскут сукна.

Он рассказывал ей, как искрятся горы,

И блистает на солнце огнями вода,

Когда ты летишь над землей и морем

В его дивный край Никогда - Никогда.

Звенящая фея, глотая слезы,

Их осыпала волшебной пылью.

И меркла поэзия, меркла проза,

Лишь стоило глянуть в ее лицо.

Для полета хватило нескольких горсток,

И они засмеялись, открывая окно.

На ладони тепло серебрился наперсток.

И феины слезы были в сердце его.

Она была чиста и светла, он был чист и светел.

Перед рассветом они покинули дом.

Звали мальчика – Питер, звали девочку – Венди.

Долго плакали окна – о ней и о нем.

ТОФФИ: Ну как?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Класс! Это же по той сказке! Из детства!

ТОФФИ: Да. Понравилось?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Очень! Особенно последний столбик! Охуеть, Тоффи, ты – настоящий поэт!
СМАЙЛ. СМАЙЛ. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Спасибо. У тебя тоже очень хорошие стихи... СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А я песню про тебя начал писать. Ну в смысле не про тебя, а для тебя.

ТОФФИ: Вот это да... Мне очень приятно. Много осталось?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нет, немного...

ТОФФИ: Ты – мой Питер Пэн! СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тоффи, я очень тебя жду. Мне прям щас плакать захотелось. Так я тебя увидеть хочу, поговорить...

ТОФФИ: Ворон, я тоже хочу тебя увидеть. Увидеть, как ты выглядишь, как ты дышишь, как улыбаешься.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Мы пойдем на завод... Хотя хуй с ним с заводом – куда хочешь пойдем!
Хочешь – в ночной клуб? Хочешь – в парк? Там ночью пускают...

ТОФФИ: Я пока не могу...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Блять! Ну когда?! Я не могу уже! Ты издеваешься что ли надо мной?

ТОФФИ: Нет, Ворон, ты что!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну а что тогда?

ТОФФИ: Ворон, я пришлю тебе подарок на день рождения. Ну пожалуйста, говори со мной пока так. Мне это очень нужно! Мне очень одиноко!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Мне тоже, блять, одиноко! Мне не нужен подарок! Мне нужна ты!

ТОФФИ: И ты мне нужен, но... Ну прости меня, ну пожалуйста...

ТОФФИ: Ворон?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ладно...

ТОФФИ: Давай завтра тут, в это же время...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ладно...

ТОФФИ: Пока!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока.

ТОФФИ: Ты тут?

ТОФФИ: Ворон?

ТОФФИ: Пока.

МОНОЛОГ-5

МАТЬ и СЫН в своих комнатах. МАТЬ разговаривает с подругой. СЫН – за своим компьютером. Над кроватью СЫНА висит гитара. В комнате СЫНА также стоит компьютер МАТЕРИ. СЫН его не замечает.

Присутствует ТАУЭРСКИЙ ВОРОН. Он ничего не делает.

МАТЬ: Ты знаешь, нет, ни о чем таком мы не разговариваем – так – как дела у него, как дела у меня, то есть у Тоффи... А я стала такая выдумщица... Про эту девочку можно роман писать, и папа у нее чучельник, и солнцебоязнь у нее, ой, обхохочешься... Только ты никому не рассказывай про мой педагогический эксперимент, ладно? Мы общаемся с ним, и общаемся... Хоть так...

Нет, офлайн все еще ничего не изменилось. Ну, это значит - в реальности. Я пытаюсь какие то попытки предпринимать, но Костя не идет на контакт. Я ему, например, говорю...

СЫН: Ты тут? Ну так вот - она мне, например, говорит – давай типа хоть раз пожрем вместе. Думаю – ну ты тупая что ли? Нахуя нам вместе жрать, если я твою морду не могу видеть – этот взгляд насупленный, типа такая строгая мамуля. И все подкладывает мне подкладывает – чтобы я

обожрался – типа любит меня. Отцу тоже все время подкладывала – он все съедал. А я не могу столько жрать. И все равно сидим молчим, нахуя мне это? Я лучше фильм посмотрю под жратву. Или с Тоффи попизжу. И типа любит, понимаешь? Ну, она, не Тоффи. Тоффи – по-настоящему любит. Так вот, типа жратва – это типа любит она меня. Говорю ей – не хочу с тобой жрать.

МАТЬ: Говорит – не хочу с тобой обедать! *(улыбается)* Строгий такой, настоящий мужчина... Ну, может, и к лучшему – у нас обеды совместные как то не ладятся. Молчим и все. Не о чем говорить. А вот когда в интернете – часами можем говорить. Да, ты не согласишься – вчера просидели в сети до утра опять. Да, да, иногда такое я себе и ему позволяю... Просто общались... Он мне рассказывал, как мы на море ездили, когда Ваня был жив. Так странно – слушать как он все это воспринимал. Говорил, что даже к Ване меня ревновал немного – у нас тогда с ним очень романтичная поездка получилась, а Костика мы с няней в отеле оставляли...

Ой, ты знаешь, на Костика это общение с Тоффи хорошо влияет. Он стал какой то осознанный, улыбается чаще. Но мрачный тоже часто ходит... Ну, меньше, чем раньше... Тоффи ему музыку хорошую советует. Представляешь, он даже Окуджаву послушал, говорит – понравилось...

СЫН: Она мне прикольного певца советского посоветовала – прикинь, ничо такой. Песни нудные, под гитару, но такие, со смыслом.

МАТЬ: Он даже на гитару записался, учится, молодец такой. Песню для Тоффи сочинил, представляешь? Я как то с магазина прихожу, а он репетирует у себя – я слушаю – а там – «Тоффи! Тоффи!» и голос у него хороший оказался...

МАТЬ: Ну там песня такая... Ну вообще не важно... Хорошие такие слова... не про алкоголь и не про никотин, как у него в стихах было... Такая, светлая... Да ты знаешь, я тоже изменилась – вспомнила молодость как-то... Стихи начала тоже писать. Представляешь? Стихи! И ты знаешь, у меня неплохо получается вроде...

Только, знаешь, приходится все изощреннее увиливать от встречи... Да, он хочет встретиться с Тоффи. Я уже и солнцезащитные очки придумала, а социопатию, а Костик мой все равно пишет – давай встретимся, Иногда требует даже! Представляешь? Да, бывает периодически у него – такие, знаешь, подростковые истерики – когда мы увидимся? Но как-то получается его уговорить – для него это общение тоже очень ценно... А я запрещаю ему по темноте гулять. Строго контролирую. Поэтому как бы получается такая романтическая история – они – возлюбленные, но он может выходить только днем, а она – только ночью... Ну кто из девчонок не мечтал о чем то таком – романтическом и трагичном? Вообще, интернет – магическая вещь... Завести дружбу с кем-то – это очень просто, да...

А сегодня у него день рождения... Он еще, кажется, не пришел со школы... Я заказала в интернет-магазине книжку ему – курьер вот-вот придет. Это как бы от Тоффи – там книжка, сказка про Питера Пэна, подарочное издание, красивая такая... Там у нас с этой сказкой своя история...

Ой, да, убиралась сегодня целый день... И с ним общалась попутно. Ну, по интернету... Ну да, такая легкая зависимость... Ну как – ноутбук с собой таскала по всей квартире. Где-то его оставила, даже не помню... Устала немного...

СЫН замечает компьютер МАТЕРИ, подходит, включает. Читает в нем переписку. Он очень устало подходит к своей кровати, садится. Включает компьютер, Ждет, пока он загрузится. Подходит к ТАУЭРСКОМУ ВОРОНУ. Начинает его душить.

МАТЬ: Нет, что ты, нет в этом ничего странного. Это же игра такая... Что? Пиджак? Нет, насчет ваниного пиджака я уже не переживаю – зачем? Это же вещь. Просто вещь. Немного улеглось. Я чту Ванину память... Плачу иногда, но уже легче...

СЫН: Когда удаляешь страницу, на автарке остается картинка с головой щенка. Такая серая картинка, бледная. А больше ничего не остается – просто картинка со щенком – и извинения от сайта, что тут никого нет. И белые поля. А у меня щенка никогда не было... Хоть какого – хотя бы чучела, которые делает отец Тоффи. Хотя бы маленького дохлого щенка. Он бы стоял у меня на полке – поднимал бы свою дохлую лапу, склонял бы свою дохлую голову набок, смотрел бы на меня своими дохлыми стеклянными глазами... Но теперь у меня появится щенок. Пусть даже такой – серый, с белыми полями вокруг.

СЫН убивает ТАУЭРСКОГО ВОРОНА

Диалог-5, продолжение монолога-5

СЫН открывает окно в своей комнате, шумит.

МАТЬ слышит громкие звуки, тревожится.

МАТЬ: Костя! Ты дома?

СЫН становится на подоконник..

МАТЬ: Костя! Что ты там делаешь? Ты слышишь меня?

ПАУЗА

МАТЬ: Костя!

МАТЬ разрушает преграду между их комнатами. Она врывается в комнату СЫНА.

МАТЬ: Костя! Стой! Это из-за меня? Костенька!

СЫН: Нет, мама. Это из-за Тоффи. Это все она.

МАТЬ: (*видит свой компьютер*) Ну подожди! Ты узнал? Но что в этом такого?! Прости! Поговори со мной! Костя!

СЫН: Мама, я – попугайчик.

МАТЬ: Пожалуйста! Пожалуйста!

СЫН: Я – не Питер Пэн.

МАТЬ: Сынок!

СЫН: Я тут.

МАТЬ: Извини меня!

СЫН: Нельзя извиняться за такое.

Раздается звонок в дверь

Затемнение.

В темноте раздаются голоса ТОФФИ и ТАУЭРСКОГО ВОРОНА.

ТОФФИ: Ворон, привет. Ты тут?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тут. Привет.

ТОФФИ: С днем рождения.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Спасибо. Как дела?

ТОФФИ: Хуево. А у тебя?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И у меня хуево... Ты же знаешь...

КОНЕЦ

Минск. 2012

Andreyivanowww@gmail.com